Лиепа М.

1986

ЮБИЛЕИ

СУДЬБА — БАЛЕТ

Для любителей балета Марис Лиепа — поистине легенда. Без его Спартака и Красса, Альберта и Базиля, Ферхада и Вронского невозможно представить искусство классического танца 60—80-х годов. На днях лауреату Ленинской премии, народному артисту СССР М. Э. Лиепе исполнилось пятьдесят лет.

— Марис Эдуардович, какие моменты в своей творческой биографии вы сами считаете поворотными, решающими?

— Собственно, судьбу мою раз и навсегда определил случай, по прихоти которого в Рижском хореографическом училище я попал в класс замечательного педагога Валентина Блинова. Мне к тому времени было уже четырнадцать, я который уж год занимался балетом, но он отнюдь не был единственным, что меня занимало в жизни. Ничуть не меньше меня манил большой спорт — я был рекордсменом Латвии по плаванию.

И вот на уроках Блинова произошло неожиданное открытие себя самого. Вдруг возникла потребность через огромное физическое напряжение обрести волнующее ощущение танца. Все, что произошло в моей жизни позже, — уже лишь производное этого главного открытия.

Счастливых моментов потом было много. Учеба в Москве у известнейшего педагога Н. И. Тарасова. Ежедневные, в течение двадцати четырех лет, занятия в «звездном» классе Большого театра у Асафа Мессерера. Я многое постиг в балете благодаря моим партнершам М. Плисецкой, О. Лепешинской, Р. Стручковой, Н. Тимофеевой, М. Кондратьевой, Е. Максимовой, всегда оставаясь их восторженным почитателем. А щедрый дар судьбы — встречи с Мариной Семеновой, Галиной Улановой!

— У вас большой стаж работы в Московском хореографическом училище. Скажите, какое представление о будущей профессии вы стремились внушить своим ученикам? Каким, по-вашему, должен быть танцовщик в современном балетном театре?

— Начну с того, что обучение — дело обоюдное; педагог не меньше получает от ученика, чем ученик от педагога. За двадцать лет преподавания я прошел настоящую академию, и ее уроки во многом скорректировали мои собственные представления о профессии. Но в одном я был убежден и тогда, и теперь: в балете не может быть самоцелью одно лишь техническое совершенство.

Но не будем кидаться и в другую крайность. Порой я слышу упреки в адрес нынешней балетной молодежи: мол, танцует она чисто, уверенно, крепко, а потрясениями зрителя не дарит. И ссылаются при этом обычно на наше артистическое поколение — тогда-де все было иначе. Я всегда спорю с такой постановкой вопроса. Да, наши преемники еще только набирают силы, многие пока стоят лишь на пороге высокого артистизма. Но и наш разбег, будем справедливы, не был столь стремительным, как это представляется теперь, сквозь дымку воспоминаний. Мы долго шли к своим вершинам. Я, например, станцевал самую сложную для меня (и самую любимую) партию Красса в 1968 году — без десятилетнего сценического опыта роль бы не могла состояться.

— Марис Эдуардович, какие тенденции в современной хореографии кажутся вам самыми плодотворными?

— Во-первых, искусство балета в наши дни развивается параллельно в разных плоскостях. Исконно считавшееся театральным, оно стало теперь доступно и экрану, большому и малому. Блистательные работы постановщиков Брянцева—Беликского или Смирнова—Голованова и Рыженко вскрыли огромный пласт средств выразительности, присущих только телевизионной хореографии, специально выстроенной в расчете на камеру. Комбинированные съемки, световые эффекты, разные крупности, монтаж резко усилили эмоциональное воздействие танцевальной пластики.

Во-вторых, традиционный сценический балет встал сейчас, мне кажется, на самый сложный и интересный путь — синтеза различных направлений. Еще недавно его главным стремлением было дать пластический эквивалент музыкальной партитуре. Обогащенный этим опытом, он теперь опять, на новом витке, вернулся к серьезной драматургии, постигая прозу Чехова, Достоевского, Тургенева, Толстого. Выходя к сложнейшей философской проблематике, балет, без сомнения, обретает новое качество, осваивает более высокий уровень содержательности.

Интервью взяла
Г. ЧЕРМЕНСКАЯ.

Неделя, — 1986, — №31

180